

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

М. В. Савва

Этнический статус в идеологии и политике

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/1999_4_Savva.pdf

URL: <http://www.civisbook.ru>

ЭТНИЧЕСКИЙ СТАТУС В ИДЕОЛОГИИ И ПОЛИТИКЕ

М.В. Савва

Изучение межэтнических конфликтов ввело в научный оборот понятие этнического статуса, указывающего место индивида или группы в системе межэтнических отношений на личностном и групповом уровнях. Если индивидуальный социальный статус достигается, или "завоевывается" в современном обществе, то этнический — наследуется. В некоторых случаях он, разумеется, может быть сменен путем формального изменения национальной принадлежности. Этнический статус представляет собой атрибут любого неизолированного этноса или этнической группы, и человек обладает им лишь постольку, поскольку принадлежит к определенной общности.

Рассматриваемый статус имеет сложную структуру. Он обусловлен объективными факторами (включенность представителей того или иного этноса в систему управления, уровень их доходов, образование и т.д.). Но в еще большей степени этнический статус определяется феноменами группового сознания (самооценка этноса в целом, различных групп и слоев внутри этноса, а также отзывы со стороны контактирующих общностей по целому ряду критериев, например, степени внутренней солидарности).

Таким образом, этнический статус в качестве семиотической системы всегда есть отношение как минимум двух культур и проявляется в их контакте либо в представлениях и оценках, являющихся следствием подобных связей. Этностатусная система многоступенчата, что доказал, в частности, Л. Хагендорн, изучавший проблему этнической терпимости и нетерпимости в молодой среде Нидерландов (1). По его данным, на первом месте в этой иерар-

хии, если исключить самих голландцев, стоят северо-европейские мигранты, за ними — евреи, потом — южно-европейцы (например, испанцы). Гораздо меньшую терпимость голландское общество проявляет в отношении меньшинств из бывших колоний — Суринама и др. Завершают ряд марокканцы и турки, попавшие в страну как наемные рабочие. Эту последовательность действительно можно назвать иерархией, так как замечено, что если негативные высказывания в отношении турок не означают осуждения в адрес выходцев из бывших колоний, то антипатия к суринамцам одновременно распространяется и на турок, занимающих наиболее низкую ступень указанной этнической иерархии.

Этнический статус в полиэтничных регионах является важнейшей составляющей социального самочувствия человека. Низкий его уровень порождает чувство национальной ущемленности, что подтверждают многие исследования.

Этностатусные представления существуют не только в обыденном сознании, но и на уровне идеологии. В переломные моменты общественного развития обыденные представления об этностатусной системе активно "выталкиваются" на более высокий уровень сознания и формируются в определенную идеологию. Она тесно связана с таким специфическим защитным механизмом этнических общностей, как *регрессия*. По мнению Г.У. Солдатовой, это явление характерно ныне для народов Северного Кавказа. Происходит как бы возврат этнической группы к более ранним стадиям ее развития, что, в частности, выражается в реанимации кланово-родовой структуры общества и традиционных моделей поведения, во всплесках религиозной активности, в увеличении доли эндогамных браков и т.п. (2).

Этностатусная идеология объективно связана также с движениями за национально-территориальное самоопределение, имеющими целью создание собственных государственных образований и таким образом пытающимися разрешить статусные противоречия: наличие "национализирующегося" госу-

САВВА Михаил Валентинович, кандидат социологических наук, преподаватель Кубанского государственного университета, зам. начальника управления по делам общественных и межрегиональных связей мэрии Краснодара.

Работа публикуется в сокращенном виде.

дарства, т.е. государства с этнокультурной “нацией – ядром” (3), значительно повышает роль этнического статуса. В свою очередь, сама борьба за такую государственность способствует актуализации этностатусных представлений. По ходу этой борьбы формируются все более негативные стереотипы “врага”, олицетворяющего метрополию, и все более позитивные стереотипы собственной общности. В научной литературе отмечалось, что развитие этнонационализма как идеологии часто опережает темпы этнического развития основной части населения и складывается в полном отрыве от действительности, выражая программные установки местной элиты. Она систематизирует, обосновывает и усиливает через СМИ и с помощью других каналов представления об этнонациональном единстве, *исключительных правах* соответствующей общности на территорию и на самоопределение, очень часто – и представления о ее превосходстве.

В пространстве бывшего СССР реализация права на национально-территориальное самоопределение породила множество конфликтов, так как здесь не существовало ни одного мононационального государственного образования (за исключением Армении, где численность иноэтничных групп не превышала 2% населения). Другими словами, не было такого национально-территориального образования, которое могло бы обрести государственный суверенитет, никого не “уводя” с собой, ибо наряду с доминирующим этносом в любой республике есть дисперсные либо компактно проживающие меньшинства. При этом элиты доминирующих в республике этносов – субъектов суверенизации, как правило, отрицают право “уводимых” на самоопределение. В данном случае не срабатывает категорический императив Канта: “...Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой, ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом” (4). Этот универсальный принцип человеческих взаимоотношений, видимо, противоречит интересам этнических элит, встроенным в систему этностатусных представлений.

Такая система разделяет народы на “коренные” и “некоренные” с целью обосновать особые права первых, прежде всего их право на национально-территориальное самоопределение. Между тем термины “коренной” и “некоренной”

применительно к этносам не имеют точного содержания. На уровне обыденного сознания “коренной” этнос – тот, который издавна (если не всегда) жил на данной территории. Однако далеко не все этносы планеты являются автохтонными в пространстве их нынешнего проживания, так что однозначно установить временной период, дающий право на статус “коренного”, невозможно. Так, являются ли гагаузы, населяющие Буджакскую степь с XVIII в., или караимы, проживающие в окрестностях Тракая с XIV в., “коренными” этносами?

В бывшем Советском Союзе с 1988 – 1989 гг., т.е. со времени своего оформления, лидеры национальных движений “коренных” народов по существу игнорировали вопрос о гарантиях прав “некоренных” групп населения. В результате у титульных и нетитульных наций сложились противоположные ориентации по проблемам самоопределения*.

Престижный и идеологизированный характер имеет стремление к экономическому бойкоту “чужих”, выраженное в знаменитом лозунге “свой к своему за своим”, звучавшем практически на всех языках Восточной и Центральной Европы (в т.ч. и на русском). Этот лозунг отражает интересы прежде всего предпринимательских кругов, однако он является одновременно и оформляет национальное движение, которое считает экономикой средством реализации национальных же идеалов.

Этностатусные представления могут быть включены в целостные идеологические системы не только лидерами общественных движений, но и государственными идеологами. Так, в бывшем

* Это явление было зафиксировано, в частности, исследованием “Социальное развитие советской молодежи: показатели и тенденции”, проведенным в 1990 – 1991 гг. под руководством д.ф.н. В.И.Чупрова. Так, отвечая на вопрос о мерах, с помощью которых можно предотвратить проявления национализма, русские в Киргизии подчеркнули особую важность воспитания детей в духе уважения к другим народам, но очень низко оценили влияние на стабилизацию межнациональных отношений таких факторов, как обеспечение самостоятельности национальных республик и развитие национальных культур и языков. Киргизы же, проживающие в своей титульной республике, как представители доминирующего этноса, напротив, отметили большую важность полной самостоятельности национальных образований с развитием их языков и культур.

СССР государственная машина внедряла в общественное сознание идеологему “семьи народов” во главе со “старшим братом” — русским этносом. Пропагандистский эффект данного лозунга был, тем не менее, невысок как в силу его внутренней противоречивости (попытки соединения принципа равенства народов и принципа этнонациональной иерархии), так и в силу несоответствия реалиям советской жизни.

Примеры самого широкого использования этностатусных представлений дает теория и практика германского национал-социализма. Эффективность нацистской пропаганды объяснялась не только прессом тоталитарного режима, но и обращением ее именно к идее национального превосходства, которая воспринималась массовым сознанием чрезвычайно легко. Эта легкость можно объяснить тем, что само разграничение “мы — они” сформировано на основе прежде всего этнических (либо предэтнических) различий. Принятие национал-социалистических догматов обеспечивало любому рядовому немцу довольно высокий уровень психологического комфорта. Для людей, страдавших от незначительности своего социального статуса, подобные догматы имели компенсационный эффект, а потому обладали несомненной притягательностью.

В национал-социалистической Германии культивировались такие элементы культуры, которые должны были свидетельствовать о высоком этническом статусе немцев. Годы нацизма были для немцев временем этнического романтизма, соединенного с мистицизмом и иррационализмом. Насаждались древнегерманские дохристианские имена, символы и культы, в элитных кругах (например, среди офицеров СС) внедрялись псевдогерманские ритуалы и праздники; печатные шрифты стилизовались под готические; разрабатывался особый, монументальный, архитектурный стиль. Обращение к древнегерманским сагам служило формированию новых “духовных ценностей”. Активно насаждалась вера в реинкарнацию: души эсэсовцев получали германские “доблести” от далеких предков как бы в чистом виде. В. Райх писал по этому поводу: “Бесполезно выдвигать разумные доводы против фашизма, который нарциссически уверен в величайшем превосходстве своего германского духа только потому, что он оперирует иррациональными чувствами, а не доводами

разума. Поэтому попытки доказать фашисту, что негры и итальянцы не стоят “ниже” германцев в расовом отношении, обречены на неудачу. Он ощущает, что “выше”, вот и все” (5).

Вожди нацистской Германии заявляли о приверженности моральным нормам, ориентированным исключительно на собственную этническую общность и действующим только в отношении обладателей арийского статуса. Любые бесчестные с точки зрения нормальной человеческой морали поступки возводились в ранг образцов для подражания, если они служили “интересам расы и нации”. В отношениях с представителями других народов такие принципы, как честь и совесть, исключались. Так, на одном из совещаний группенфюреров СС Гиммлер заявлял: “У эсэсовцев должен быть один абсолютный принцип: мы обязаны быть искренними, порядочными, верными и относиться по-товарищески только к тем, кто принадлежит к нашей собственной крови, и ни к кому более” (6). Планы нацистского руководства в отношении возврата к нормам и ценностям военной демократии были чрезвычайно обширны. Так, один из идеологов национал-социализма А. Розенберг, автор “Мифа XX века”, предлагал положить не римское право, а кодекс древних германцев в основу законодательства рейха. Эти идеи были частично реализованы нацистами. Уже первые правовые акты нового режима основывались на традиции и были ориентированы на ее сохранение. Так, 12 мая 1933 г. издается указ “О новом порядке владения земельной собственностью”, который возвращался к древним законодательным нормам, основанным на “нерасторжимом единстве крови и земли”. Указ не только консервировал традиционалистские отношения земельной собственности, но и вводил принцип “чистоты крови” и этнического статуса в имущественных отношениях. Именно с той поры германское законодательство в целом стало откровенно и активно обслуживать нацистские политику и идеологию. 15 января 1935 г. был принят закон о гражданстве, который разделял население Германии на два разряда: первый — граждане рейха — немцы арийского происхождения, наделенные всеми гражданскими правами; второй — жители рейха неарийского происхождения. 15 сентября 1935 г. принимается закон “О защите немецкой крови и немецкой чести”,

запрещавший браки и сожительство граждан рейха с евреями. В том же году были лишены всех гражданских прав цыгане. С 1933 по 1936 гг. было издано около 250 расистских (и прежде всего антисемитских) официальных циркуляров и инструкций.

Была разработана иерархическая шкала “полноценности — неполноценности” этносов и этнических групп, основанная на представлении об их биологическом неравенстве. Подобная идеология опиралась на очень глубокую потребность человека в позитивных отличиях собственной группы и поэтому достигала цели. Известно, что позитивность этнических отличий не нуждается в рациональных доказательствах и поэтому воспринимается массовым сознанием довольно легко. Глубокое чувство этнической депривации немцев после первой мировой войны, в условиях тяжелого экономического кризиса, способствовало усвоению представлений об их позитивных отличиях. Целью такого возвращения Германии в средневековье было создание монолитного закрытого общества, ориентированного на борьбу с иноэтничным врагом любыми средствами.

Автор одного из фундаментальных трудов о природе фашизма Р.Гриффин считал, что идеология фашизма представляет собой палингенетическую форму популистского ультранационализма, т.е. такую, которая развивается в связи с представлениями о национальном возрождении. Это означает, что фашизм относится к формам национализма, которые ставят идею или интересы нации над всеми иными ценностями и интересами. Видовое отличие фашизма Гриффин усматривает в увязке ультранационализма и идеи палингенеза — восстановления, возрождения, обновления этноса (7). Очевидно, подобные идеи возникают как результат чувства депривации — они направлены на повышение этнического статуса. Данный научный подход ставит знак равенства между фашизмом и любыми крайними проявлениями национализма и является серьезным предупреждением лидерам этнических движений.

Такое понимание фашизма перекликается с определением Р.Дарендорфа: “Под фашизмом я имею в виду сочетание ностальгической идеологии общины, делящей всех на своих и чужих, новой политической монополии, устанавливаемой человеком или “движением”, и сильного акцента на органи-

зации и мобилизации, а не на свободе выбора. Правление закона приостанавливается; диссидентов и лиц с нестандартным поведением сажают за решетку; меньшинства подвергаются суду народного гнева и официальной дискриминации. Фашизм в этом смысле не обязательно подобен немецкому национал-социализму; он не обязательно проводит политику систематического геноцида, хотя вероятность последнего весьма высока. В любом случае это — тирания правого толка, поскольку она опирается на военных, другие силы “закона и порядка”, вызывает к реакционным чувствам и предается мечтаниям — но не о лучшем будущем, а о прекрасном прошлом” (8).

Необходимо учитывать устойчивость представлений об этническом превосходстве — они нередко становятся мировоззренческими установками, и любая информация, противоречащая им, может просто не приниматься во внимание как несущественная. Значительную часть немецкого этноса в свое время удалось заставить всей мощью тоталитарного режима поверить в свое превосходство, в особую миссию, ради выполнения которой хороши все средства. Однако после военного разгрома гитлеровского режима антифашистское, антирасистское политическое просвещение и “культурный иммунитет” сделали свое дело — большинству современных немцев внутренне не присуще представление о делении людей на “своих” и “чужих”, о собственном этническом превосходстве. Демократия прижилась в Германии лучше, а национал-социализм и все его проявления (даже внешние) находятся под запретом.

В настоящее время народы на территории бывшего Советского Союза, получившие независимость, выбирают пути развития на десятилетия вперед. Фактически выбор делается между либеральной моделью, для которой характерен приоритет прав личности, и традиционализмом, в его современной интерпретации хотя и допускающем технологическую модернизацию, но сохраняющем приоритет прав группы — этнической и/или религиозной. Вовлеченность многих из этих этносов в различного вида региональные конфликты увеличивает вероятность предпочтения традиционалистского пути, означающего в современных условиях практическое сохранение как самоценности любого наследия прошлого, прежде всего — этнических и религиозных ус-

тановок. (Такой путь развития в новейшей истории уже опробовали нефтяные государства Ближнего Востока, в первую очередь — Саудовская Аравия.) Но подобная этническая консервация в полиэтничных обществах создает возможность новых конфликтов, увековечивает прежние (9).

Сторонники традиционализма довольно весомо представлены и среди русской политической элиты. Так, лидер российских коммунистов Г.А.Зюганов писал, что единственный достойный ответ России на либерально-демократический вызов Запада заключается в скорейшем создании общенациональной и самобытной патриотической идеологии, которая смогла бы противопоставить “мнимым ценностям” западного либерализма исконные, традиционные духовные ценности российской цивилизации, соединенные со всеми материально-техническими достижениями “постиндустриального” мира (см.: 10).

Идеологизация этностатусных представлений обычно приводит к повышению конфликтного потенциала группы — носителя этих представлений и в этом случае предполагает освящение мнения о своем особом месте в системе межэтнических отношений авторитетом как науки, так и общественных лидеров, а также систематизацию фактов, обосновывающих их мнения.

Для этнонационализма характерно подчинение всех проявлений социальной жизни национальной идее. Любые успехи общества (реальные или мнимые) утрачивают свой самоценный характер и превращаются в средство национального самоутверждения. Все, что делается “в интересах нации”, насколько бы аморально оно ни было, не подвергается сомнению. Подобная идеология, по мнению венгерского историка и философа И.Бибо, ведет к истощению моральных резервов нации (11). В данном контексте моральные резервы — не отвлеченное понятие. Чем жестче и аморальнее в отношении “чужаков” позволяють себе действовать представители этноса, тем больше у них шансов получить такой же ответ. В результате пружина конфликта раскручивается, противостояние делается все более непримиримым, а нормы поведения в отношении врага — все более непереносимыми. Кроме того, напряженная психологическая атмосфера, в которой любое критическое замечание в адрес своего народа звучит как умышленное

оскорбление, с точки зрения национального и личностного развития является крайне неблагоприятной.

В общественном мнении современной России подобный вид “национальной идеи” присутствует, однако в целом не является доминирующим. В то же время в ряде регионов идея “защиты интересов нации” получила поддержку властей и фактически стала официальной установкой. С точки зрения политической конъюнктуры, такое поведение региональной власти “целесообразно” — оно позволяет представить отсутствие даже ничтожных изменений к лучшему в социально-экономической сфере как результат целенаправленного и систематического противодействия “этнических врагов”. В этом качестве обычно выступают различные этнические меньшинства. Одновременно недовольство местного населения направляется против федерального центра, якобы потворствующего “врагам нации”. Таким образом насаждающие подобные установки региональные власти сохраняют высокий уровень массовой поддержки населения, но провоцируют рост взрывоопасной, туниковой ксенофобии.

Необходимо в целом отметить чрезвычайную “пластичность”, спекулятивность использования этнических характеристик в политике и идеологии. Один и тот же этнос в зависимости от потребностей политической элиты может наделяться совершенно взаимоисключающими стереотипными чертами, в т.ч. чертами сходства или различия с другими этносами. Яркий пример этого приводит М.Алданов. Накануне окончания первой мировой войны министр иностранных дел Великобритании А.Дж.Бальфур пообещал своей декларацией создать еврейский национальный очаг в Палестине. Печать арабских государств Ближнего Востока начала антисемитскую кампанию. Поскольку все ненавистное для союзников по Антанте тогда воплощалось в Германии, то выступавшие против данного проекта арабские газеты стали доказывать, что евреи — те же немцы: та же культура, тот же дух, и взаимные симпатии совершенно непреодолимы (12). Через полтора десятилетия пропагандисты нацистской Германии не менее убежденно утверждали прямо противоположное. По замечанию П.Л.Бергера, в любом случае идеология оправдывает то, что делает лоббируемая ею группа (13).

Своеобразным вариантом идеологизации этностатусных представлений в сегодняшней России является использование преступными группировками национальной идеи для оправдания своей деятельности. Представители криминальных сообществ нуждаются в позитивной идентичности, причем не только с позиции специфичной криминальной культуры. Для российской действительности характерно также использование этнической идентичности с целью “облагораживания” любого насилия, преступной деятельности. В первую очередь это относится к терроризму, который в связи с военными действиями в Чечне оправдывался интересами нации. Однако есть и гораздо более прозаичные примеры. Так, в ходе экспертного исследования уровня конфликтности в Краснодарском крае в 1997 г. было выявлено, что для преступности здесь характерна активность группировок, сформированных по этническому признаку. Этот принцип придает преступным сообществам дополнительную жесткость в противостоянии властям — за счет единого представления о социокультурных ценностях, большей ответственности во взаимоотношениях, взаимоподдержки и, самое главное, за счет возможности приписать себе позитивную идентичность.

Для представителей преступного мира оценка их деятельности общественным мнением часто оказывается далеко не безразличной. В этом плане представляет интерес практика оправдания своих действий преступниками — вымогателями адыгейской национальности в Краснодарском крае: они предлагают мелким предпринимателям на Черноморском побережье платить “за покровительство” на том основании, что те ведут свою торговую деятельность на землях, ранее принадлежавших адыгам. Известны факты, когда армянские преступные группировки занимались вымогательством у предпринимателей-армян под лозунгом оказания помощи воюющему Карабаху.

Таким образом, для современного этапа развития социокультурной ситуации в России характерно активное использование этностатусной идеологии, этнических ценностей и символов криминальными структурами в целях приобретения позитивной идентичности и повышения эффективности их деятельности. В свою очередь, лидеры сепаратистских движений активно используют

в своих интересах потенциал этнических преступных сообществ. Преступники платят — деньгами, содействием или личным участием в боевых действиях и террористических актах за положительное представление о себе.

Кракий анализ этностатусных представлений в идеологии и политической деятельности позволяют сделать некоторые выводы.

Этностатусные представления могут существовать как на уровне обыденного сознания, так и на уровне идеологии, т.е. сознательно формулируемой системы взглядов и идей. Идеология этностатусного превосходства часто складывается в отрыве от представлений основной части населения, выражая программные установки элитарных групп, а затем внедряется в общественное сознание. Эта идеология активно используется сепаратистскими движениями, являясь важным элементом системы оправдания насилия и преступлений со стороны “своих”.

Этностатусная идеология тесно связана с движениями за национально-территориальное самоопределение. Как показывают проведенные в последние годы исследования, на территории бывшего СССР у представителей “титультных” и “нетитультных” этносов сложились противоположные ориентации по проблемам самоопределения: если “титультные” связывают с ним позитивные последствия, то “нетитультные” — в основном отрицательные.

Этностатусные представления могут образовывать целостные идеологические системы не только при помощи руководителей политизированных движений и других неформальных лидеров общественного мнения, но и при содействии государственных идеологов в интересах правящей политической элиты. (Наиболее показательным примером является Германия периода национал-социализма.) В социальных же отношениях политическая элита делает попытки возрождения комплекса традиционных норм эпохи “военной демократии”. В настоящее время это характерно для сепаратистских движений, основанных на этническом фундаментализме.

Идеологизация этностатусных взглядов обычно приводит к повышению конфликтного потенциала группы — носителя подобных установок. Представители этнических общностей, оценивающие свой групповой статус как очень высокий, склонны к силовым

действиям в контактах с низкостатусными “чужаками”. Использование же этнических характеристик в политике и идеологии обычно имеет спекулятивный характер: один и тот же этнос в зависимости от потребностей политической элиты может наделяться совершенно взаимоисключающими стереотипными чертами.

Многие этнические общности на территории бывшего Советского Союза

находятся на этапе выбора модели построения нового общества и государства — либеральной или традиционалистской. Включенность ряда этих этносов в различного рода этнические противостояния увеличивает вероятность выбора в пользу традиционализма, так как последний является эффективным инструментом мобилизации общества.

1. Хагендорн Л. Этническая категоризация и дискриминация: роль культурных ценностей и общественных стереотипов в формировании этнических иерархий. — *Национализм (Взгляд из-за рубежа)*. М., 1995.
2. Солдатова Г.У. *Психология межэтнической напряженности*. М., 1998, с.353.
3. Праздаускас А.А. Этнонационализм, многонациональное государство и процессы глобализации. — *“Полюс”*, 1997, № 2, с.103.
4. Кант И. Критика практического разума. — *Соч. в 6 т.* М., 1965. Т. 4., ч. 1, с.260.
5. Райх В. *Психология масс и фашизм*. СПб., 1997, с. 99.
6. Цит. по: Бессонов Б.Н. *Фашизм: идеология, политика*. М., 1995. Кн. 2, с.34-35.
7. Griffin R. *The Nature of Fascism*. L., 1993, p.26.
8. Дарендорф Р. *После 1989. Размышления о революции в Европе*. М., 1998, с.242-243.
9. См. подр.: Савва М.В. *Этнический статус (конфликтологический анализ социального феномена)*. Краснодар, 1997.
10. Зюганов Г.А. *География победы. Основы российской геополитики*. М., 1997.
11. Бибо И. Нищета духа малых восточноевропейских государств. — *Национальные отношения и этнические конфликты*. М., 1993.
12. Алданов М. *Прямое действие*. М., 1994.
13. Бергер П.Л. *Общество в человеке. — Социология*. М., 1997.